

Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
Крымское отделение Института Востоковедения НАН Украины

**III Международный Византийский семинар
ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ:
«империя» и «полис»**

Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
31 мая – 5 июня 2011 г.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ

Севастополь
2011

ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис» // Тезисы докладов и сообщений
III Международного Византийского Семинара (Севастополь 31.05 – 05.06 2011)

*Издаются по решению Ученого Совета
Национального заповедника «Херсонес Таврический»*

Организационный комитет и Редколлегия:

АЙБАБИН АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ, профессор, доктор исторических наук, руководитель Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины (Симферополь) - ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

АЛЕКСЕЕНКО НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, dr. (Paris IV-Sorbonne), заведующий филиалом Национального заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь) - КООРДИНАТОР

АФИНОГЕНОВ ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ, профессор, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, ведущий специалист Института Всеобщей истории РАН (Москва)

БИБИКОВ МИХАИЛ ВАДИМОВИЧ, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института Всеобщей истории РАН (Москва)

ИВАКИН ГЛЕБ ЮРЬЕВИЧ, член-корреспондент НАНУ, доктор исторических наук, заместитель директора Института археологии НАН Украины (Киев)

СТЕПАНЕНКО ВАЛЕРИЙ ПАВЛОВИЧ, профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой древнего мира и средних веков Уральского Федерального университета им. первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

ЯШАЕВА ТАТЬЯНА ЮСУФОВНА, заведующая отделом Национального заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь) - СЕКРЕТАРЬ

*Конференция проводится при финансовой поддержке
Института развития Крыма (Глава Правления Алексей Дремов)*

© Коллектив авторов (2011)

© Национальный заповедник «Херсонес Таврический»

СОДЕРЖАНИЕ

Алексеевко Н.А. (Севастополь) ПАТРИКИЙ КАЛОКИР: ЭТАПЫ КАРЬЕРЫ ХЕРСОНСКОГО АРИСТОКРАТА	5
Афиногенов Д.Е. (Москва) ГЕНЕЗИС ОБРАЗА ИМПЕРАТРИЦЫ ИРИНЫ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И АГИОГРАФИИ	6
Барабанов Н.Д. (Волгоград) «НЕСОВМЕСТИМ РЫНОК С ЦЕРКОВЬЮ БОЖЬЕЙ». ПОВЕДЕНИЕ ПРИХОЖАН В ХРАМЕ КАК АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ НАРОДНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ В ВИЗАНТИИ	7
Бутырский М.Н. (Москва) ПАМЯТНИК ЭПОХИ КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО ИЗ ЧАСТНОГО СОБРАНИЯ	10
Герд Л.А. (Санкт-Петербург) ВИЗУАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ОСТАНКОВ ЧЕЛОВЕКА В ВИЗАНТИЙСКОМ И ПОСТВИЗАН- ТИЙСКОМ КАНОНИЧЕСКОМ ПРАВЕ	11
Гинькут Н.В., Дон И.Е. (Севастополь) ВИЗАНТИЙСКОЕ ПОЛИВНОЕ ПОЛИХРОМНОЕ БЛЮДО ИЗ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА	13
Евдокимова А.А. (Москва) КАПШАДОКИЙСКИЙ ДИАЛЕКТ СРЕДНЕГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА ПО ЭПИГРАФИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ	14
Курышева М.А. (Москва) ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГРЕЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ «СТИЛЯ РЕДЖО» (на примере пяти экземпляров из собрания ГИМ)	16
Куш Т.В. (Екатеринбург) ТИТУЛ СОПРАВИТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДОУСОБИЦЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV В.: ПРОСОПОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	17
Motinaro F. (Paris) LES COMMERCIAIRES À CHERSON AVANT LA DOUANE DU THÈME DE CHERSON	19
Мохов А.С. (Екатеринбург) ВИЗАНТИЙСКАЯ ЧИНОВНАЯ ЗНАТЬ XI В.: СПОНДИЛЫ	20
Науменко В.Е. (Симферополь) ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ «КОРСУНСКОГО ПОХОДА» КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА: КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ	22

Седикова Л.В. (Севастополь), Рабинович А. (Остин) НОВЫЕ ГРАФФИТИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ КОРАБЛЕЙ ИЗ ХЕРСОНЕСА	24
Сидоренко В.А. (Симферополь) МОНЕТНОЕ ДЕЛО СРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНА V-VII ВВ. Н.Э.	25
Степаненко В.П. (Екатеринбург) К CURSUS HONORUM ВАСИЛА, СЫНА АПУХАПА	30
Храпунов Н.И. (Симферополь) ДОЛЖНОСТИ С АРХАИЧНЫМИ НАЗВАНИЯМИ В ВИЗАНТИЙСКИХ ГОРОДАХ ВТО- РОЙ ПОЛОВИНЫ IX–XI ВВ.	32
Чхаидзе В.Н. (Москва) ЦЕРКОВНЫЕ ИЕРАРХИ ЗИХИИ В МАТРАХЕ В X–XIV ВВ.	35
Шаманаев А.В. (Екатеринбург) УЧАСТИЕ В.Н. ЮРГЕВИЧА В ИЗУЧЕНИИ И СОХРАНЕНИИ ХЕРСОНЕССКОГО ГОРОДИЩА	37

Н. А. АЛЕКСЕЕНКО

Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
(Севастополь, Украина)

**ПАТРИКИЙ КАЛОКИР:
ЭТАПЫ КАРЬЕРЫ ХЕРСОНСКОГО АРИСТОКРАТА**

Для византийского Херсона известно не так много исторических персонажей, о которых сохранились какие-либо сведения, отражающие их служебную карьеру, или же данные об их деятельности на фоне событий, происходивших в городе в тот или иной период его истории. Из всего комплекса источников, имеющих отношение к рассматриваемой проблеме, можно выделить две основные группы памятников: свидетельства письменных источников, в которых названы отдельные представители херсонского нобилитета (*в том числе и эпиграфические памятники*) и данные памятников сфрагистики, отражающие отдельные этапы карьеры того или иного функционера. К сожалению, в письменных источниках и памятниках эпиграфики сохранилось ничтожное малое количество сведений о представителях херсонского управленческого аппарата; абсолютное большинство из них стало известно лишь благодаря находкам их моливдовулов.

Лишь в редких случаях мы имеем возможность использовать и ту, и другую группу памятников, когда информация, содержащаяся в легендах моливдовулов не только подтверждает, но и существенно дополняет сведения о конкретном историческом персонаже. Здесь достаточно вспомнить Михаила Херсонита, упоминаемого кремонским епископом Лиутпрандом, и благодаря печатям которого открылась неизвестная часть его служебной карьеры.

Еще одним таким представителем херсонской элиты можно назвать патрикия Калокира, хорошо известного по письменным источникам участника дипломатической миссии Византии на Русь, болгарского и греческого походов киевского князя Святослава.

Появление двух его новых печатей не только дает возможность проверить справедливость некоторых сделанных ранее предположений о его дальнейшей карьере, но и ввести в оборот новую информацию о его продвижении по иерархической лестнице византийской знати.

Первая печать (конец X — начало XI в.), на которой наш персонаж назван протевомом Херсона, позволяет снять ряд вопросов, возникших ранее при публикации аналогичного экземпляра из прежних находок в Херсонесе. Она не только дополняет отдельные элементы сфрагистического типа, уточняя, например, характерные особенности жемчужного ободка окружающего легенду, но и позволяет сделать практически полную реконструкцию последней, что в свою очередь дает возможность утверждать, что обе печати действительно принадлежат Калокиру, *патрикию, стратилату и протевону* Херсона.

Определенный свет на дальнейшую судьбу Калокира в известной мере проливает еще одна печать, где он назван *анфипатом, патрикием, мона... и протевоним*.

Вне всякого сомнения, первая печать предшествует второй, т. к. последняя указывает бóльшую последовательность титулов и постов рассматриваемого нами херсонского аристократа. В его титулатуру к известному по письменным источникам титулу патрикия памятники сфрагистики сегодня добавляют высокий титул анфипата. В X в. это один из высоких придворных рангов, как правило, принадлежавший вельможам первого класса (патрикиям), в Табелях о рангах принадлежавший епархам фем и провинциальным стратигам, начиная от domestика схол и стратига Анатоликов.

И судя по всему, несмотря на свидетельства источников о якобы негативном отношении к Калокиру имперской власти после похода Русов на болгар и его изменческих настроениях, в дальнейшем он по-прежнему оставался в фаворе у императора и получил новое продвижение по иерархической лестнице придворной знати.

Таким образом получение титула анфипата поставило херсонского аристократа в один ряд с наиболее известными правителями византийских провинциальных администраций. Напомним, что все-таки мало кто из стратигов фем, несмотря на соответствующую регламентацию Табели о рангах, имел такой титул. Как известно абсолютное большинство стратигов Херсона принадлежало к чиновникам второго класса. Даже известные Иоанн Вога, Михаил Херсонит и Лев Алиат за свои выдающиеся заслуги получили только звание чиновника первого класса — патрикия.

Высший ранг Калокира очевидное свидетельство высокой оценки его талантов (дипломатических или военных) и, соответственно, карьерного роста нашего персонажа, который, надо полагать (судя по датировке его моливдовулов), продолжал свою карьеру на протяжении 3-х десятков лет спустя своей дипломатической миссии на Руси.

Д. Е. АФИНОГЕНОВ

Институт Всеобщей истории РАН
(Москва, Россия)

ГЕНЕЗИС ОБРАЗА ИМПЕРАТРИЦЫ ИРИНЫ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И АГИОГРАФИИ

О личности и правлении императрицы Ирины (780–803) существует необозримая научная литература. Отчасти это объясняется тем, что основной нарративный источник, которым мы располагаем, Хронография Феофана Исповедника (813 г.), создает поразительно амбивалентный ее образ. С одной стороны, Феофан хвалит политику императрицы, в особенности церковную, а с другой — упоминает ее властолюбие и, самое главное, прямо говорит, что ее сын Константин VI был ослеплен с ее ведома. Рассказ Феофана не только решающим образом по-

влият на последующую византийскую историографию, но, по-видимому, явился препятствием к тому, чтобы восстановительница иконопочитания Ирина была признана святой в первые несколько столетий после своей смерти. Ее компилятивное Житие (ВНГ 2205) относится к гораздо более позднему времени, а краткое упоминание в Синаксаре можно поставить в один ряд с упоминанием Маркиана и Константина IV как государей, созывавших Вселенские Соборы. В то же время агиографы с самого начала отзываются об Ирине безоговорочно положительно (Мефодий в Житии Феофана (ВНГ 1787z), Игнатий Диакон в Житиях Тарасия и Никифора (ВНГ 1698, 1335), многочисленные жития исповедников второго иконоборчества). Не подлежит сомнению, что они знали о тяготеющим над императрицей обвинении в том, что она либо не помешала, либо прямо приказала ослепить собственного сына. То, что агиографы эту проблему полностью игнорировали, даже не пытаясь полемизировать с «клеветниками» Ирины, не может быть сведено к утилитарным целям антииконоборческой полемики, поскольку те были актуальны и для Феофана. Возможно, теперь, наконец, удалось обнаружить ключевую информацию, которая позволяет разрешить все недоумения. В первоначальной редакции Хроники Георгия Монаха (846–847, в этой части сохранилась только в славянском переводе под названием «Летовник»), есть такая фраза: «И обретшихся на сьмрты ей сь клетвами страшными известивши, яко сыновней слепоте не быти причестне» (Летовник. Л. 354. об.). Поскольку Георгий принадлежал к тому же кругу, что и Мефодий и Игнатий, ясно, что именно такая версия была там принята. Между тем, тот факт, что редактор, перерабатывавший хронику в последней четверти IX в., выбросил эту фразу, показывает, что далеко не все считали эту информацию достоверной.

Н. Д. БАРАБАНОВ

Волгоградский государственный университет
(Волгоград, Россия)

**«НЕСОВМЕСТИМ РЫНОК С ЦЕРКОВЬЮ БОЖЬЕЙ».
ПОВЕДЕНИЕ ПРИХОЖАН В ХРАМЕ
КАК АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ
НАРОДНОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ В ВИЗАНТИИ**

Не подлежит сомнению тот факт, что православная вера пронизывала и наполняла собой повседневную жизнь византийцев от рождения до смерти. О высочайшем уровне их благочестия, религиозном рвении и заботах о жизни вечной ходят прочно укоренившиеся в историографии легенды. Однако по мере углубления аналитических усилий, направленных на изучение конкретных проявлений религиозности населения Византии, ее форм и содержания, выявляется все большее количество значимых вопросов, касающихся специфичности того религиозного комплекса, который можно условно назвать «византийским народным христианством».

Некоторые особенности упомянутого явления могут быть раскрыты на примере темы «поведение прихожан в храме». В самом деле, присутствие на литургии, посещение церкви в дни предписанных календарем праздников и для совершения различных ритуалов — все это важные показатели уровня религиозного сознания и степени его соотнесенности с поведением. С одной стороны, мы располагаем внушительным набором свидетельств, показывающих, что духовенство стремилось организовать жизнь мирян в соответствии с расписанием, которое предполагало максимально частое посещение церковных служб, как в городе, так и в деревнях. Надо полагать, такие усилия приводили к положительным результатам, однако состояние источников таково, что уверенно определить то, насколько средний византиец в этом отношении соответствовал ожиданиям клира, практически невозможно. По этой причине возрастает ценность другой сводки данных, показывающих наличие существенных проблем в отношениях мирян с храмами.

Во-первых, это касается частоты посещения церквей. Источники показывают, что на протяжении всего византийского тысячелетия сохранялось устойчивое и острое недовольство клира тем, что прихожане пренебрегают или уклоняются от присутствия на богослужении. Уже св. Иоанн Златоуст обличал ромеев в том, что они, подобно иудеям, лишь трижды в год переступают порог храма. Разумеется, остроту данному аспекту темы придавал важный и сложный вопрос о том, как часто следует христианам причащаться. Однако, поскольку это сюжет для отдельного исследования, в данном случае он оставлен в стороне. Что же касается простого присутствия прихожан в храмах, то озабоченность этим проявил Трулльский (691–692 гг.) Вселенский собор, определивший, что мирянин, пропустивший три воскресных богослужения, должен быть отлучен от Церкви (правило 80). Позже правило было повторено в Номоканоне патриарха Фотия с уточнением, что речь идет о городском жителе. Тем не менее, проблема редкого посещения церквей не исчезла, о чем свидетельствуют многочисленные факты. К примеру, в XI в. о причинах отсутствия человека на церковных службах рассуждал в своих «Советах» Кекавмен. Столетие спустя, католический полемист Лев Тосканский упрекал греческих клириков в том, что они совершают богослужение в пустых храмах. На рубеже XIII–XIV вв. проблема заботила патриарха Афанасия I, который пытался добиться от обитателей Константинополя регулярного посещения церквей по воскресеньям и для этого запрещал работу кабаков и бань с вечера субботы до полудня следующего дня. В середине XIV в. пустующие храмы Фессалоники беспокоили св. Григория Паламу, писавшего о том, что горожане предпочитают занятия в своих сельских угодьях. Этот факт касается еще одного аспекта темы. Известно, что византийский календарь включал большое количество религиозных праздников, в период которых время следовало проводить в храмах, а трудовые деяния не приветствовались. Эдикт императора Мануила I ограничил их число 66 полными выходными днями в добавление к воскресеньям и еще 27 как бы полу-выходным дням. Однако очевидно, что проза жизни сильно корректировала традиции праздничного бытия, сохраняя в календаре только самые значимые вехи.

Следующий важный аспект темы — поведение прихожан в церкви. Суть вопроса ярко раскрывает высказывание Афинского митрополита Михаила Хониата (1182–1205 гг.), процитированное в названии тезисов. Говоря о рынке, он имеет в виду не торговлю в храме или поблизости от него, а атмосферу торжища, перенесенную в священное пространство: праздные речи, болтовню, вопли и хохот. Подобные проявления непочтительного отношения к священнодействию многократно осуждались отцами церкви, канонами соборов и представителями высшего клира, гневные филиппики которых одновременно свидетельствуют о том, что тема оставалась актуальной константой, затрагивая даже высший уровень общества. Так император Василий I во «Втором поучении» Льву VI наставлял: «В храме пребывай в молчании». Особенно колоритным делает данный сюжет вопрос о поведении в храме женщин. Именно им адресованы многочисленные упреки в болтовне и суетности, а также в том, что они являются в храм ради демонстрации нарядов и украшений. Роль церкви как «клуба», центра общения, очевидно, удовлетворяла паству, но категорически не принималась клиром.

Еще один аспект темы — продолжительность пребывания прихожан в церкви. Византийское богослужение во всех его видах занимало довольно много времени. Духовенство, опираясь на каноны и авторитетные мнения, настаивало на необходимости присутствия на литургии от начала до конца. Однако паства смотрела на дело иначе. Показателен в этом отношении текст жития св. Василия Нового (середина X в.), в котором нерадивым ромеям брошен такой упрек: «... едва выстояв при чтении Евангелия, тотчас вы быстро несетесь прочь и покидаете церковь так, как будто вас выбросило из нее какой-то силой, всякий толкает другого и наступают на него, как если бы они были изгоняемы оттуда». В современной церкви посетителей подобного рода, переступающих порог храма на несколько минут, иронично называют «захожанами». Как видно, византийской церкви была знакома эта проблема, которую пытались решить, как показывает опыт патриарха Афанасия I и св. Григория Паламы, призывами и увещаниями.

Наконец, свидетельства источников позволяют выделить аспект девиантного поведения в храме, а также использования его пространства в магических целях. Зафиксированы примеры воровства, вплоть до похищения реликвий, введение в церковь животных и принесение для освящения запрещенных продуктов. Сохранялась традиция инкубационного сна в храме, нацеленного на достижение исцеления от недугов.

В целом, анализ темы поведения прихожан в церкви показывает существование скрытого, но упорного сопротивления религиозного сознания паствы официальным установкам. Храм рассматривался как важный, но не единственный сакральный локус, пригодный для выражения христианского благочестия, а его пространство стремились использовать в целях максимально зависящих от потребностей повседневной жизни.

М. Н. БУТЫРСКИЙ
Государственный музей Востока
(Москва, Россия)

ПАМЯТНИК ЭПОХИ КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО ИЗ ЧАСТНОГО СОБРАНИЯ

На выставке 2010 г. в московском Доме иконы экспонировался редкий памятник позднеантичной пластики, который стал предметом настоящего сообщения.

Фрагментированное изделие представляет собой фалеру либо миссорий, со сценой глорификации позднеримского императора.

В центре многофигурной композиции находится фронтальное изображение сидящего монарха, с нимбом вокруг головы, в плаще-палудаментуме, со сферой в левой руке. Император окружён двумя аллегорическими фигурами. От находящейся слева уцелел профиль головы в классическом шлеме, часть копья и верхний край круглого щита. Женская фигура с противоположной стороны изображена анфас, но лицом в профиль, с кадуцеем в левой руке; правая опущена к фигуре стоящего ниже юноши, чья голова окружена нимбом. Обоиими руками тот держит сферу с крылатой фигуркой Виктории, которой также касается упомянутый выше женский аллегорический персонаж.

Точные аналоги этому памятнику неизвестны, но тематическая параллель со знаменитым мадридским миссорием Феодосия I (388 г.) позволяет определить его исторические и общетипологические черты. Однако лишь идентификация персонажей способствует выявлению исторического прототипа сцены на фалере и датировке самого памятника.

Фигура с кадуцеем, очевидно, персонификация *Felicitas* — успеха, счастья, фигура в шлеме и с копьём, занимавшая более высокое по статусу положение — вероятно, Минерва, чей культ воительницы и покровительницы учёности сохранился в поздней империи.

В отличие от образов-аллегорий фигуры сидящего правителя и юноши в нижнем регистре воспринимаются как реальные исторические персонажи.

Внешними указаниями на царственное достоинство обоих являются нимбы, один из дохристианских атрибутов императорского сана, унаследованный византийской иконографией, и сферы в руках, символ мирской державной власти. Оба этих элемента прослеживаются по римским монетам IV–V вв.

Поскольку сферу юноша фактически получает из рук *Felicitas*, то в сцене на фалере можно предположить акт дарования ему сана цезаря. Однако поскольку молодой цезарь изображён по левую сторону от императора, т. е. занимает вторую по значимости позицию в отношении его, то справа от императора, на утраченной части изделия, могло быть изображено другое лицо, более высокого звания —

старший по возрасту цезарь. Т. о., на фалере первоначально были изображены три императора — август и два цезаря.

Значительные утраты фигуры и лица старшего из правителей затрудняют идентификацию, однако детали образа допускают его отождествление с Константином Великим. В этом случае вероятным кандидатом на роль «цезаря» мог бы стать Константин Младший, провозглашённый соправителем отца в 317 г., вторым после сводного старшего брата Криспа. Изображение Криспа могло находиться на полностью утраченной левой части памятника.

Портрет не соответствует годовалому возрасту Константина, однако на монетах, чеканенных в том же 317 г., свежееиспечённый цезарь представлен похожим образом.

Константин, как известно, не порывал со старинными римскими традициями и, благоволя христианам, стремился к поддержанию религиозного мира в империи. Этим, в частности, объяснимо присутствие в сцене языческих персонификаций, атрибутов официальной иконографии римских владык.

Другую пару исторических аналогий могут составлять император Феодосий I и его младший сын Гонорий, ставший августом в 394 г. К этому моменту соправителем Феодосия уже являлся его старший сын Аркадий (с 383 г.), прочих же, из дома Валентиниана I, в живых не осталось. Однако, на наш взгляд, датировка памятника самым концом 4 в. маловероятна, поскольку он не обнаруживает точек соприкосновения со стилистикой как мадридского миссория 388 г., так скульптурных и нумизматических портретов того времени.

Л. А. ГЕРД

Санкт-Петербургский институт истории РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

ВИЗУАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ОСТАНКОВ ЧЕЛОВЕКА В ВИЗАНТИЙСКОМ И ПОСТВИЗАНТИЙСКОМ КАНОНИЧЕСКОМ ПРАВЕ

Согласно традициям православной церкви, тела покойников могли оставаться нетленными в двух случаях: если человек отличался святостью жизни и если, напротив, он был настолько грешен, что «земля его не принимает». Второй случай в представлениях византийцев связывался с высшей церковной карой — отлучением, которая применялась к нераскаявшимся грешникам. Как известно, в греческом мире останки человека, как правило, через несколько лет после захоронения выкапывались, ссыпались в специальную коробку и помещались в хранилище-остеофилакион, чтобы таким образом освободить место для других покойников. В момент выкапывания как раз и происходило освидетельствование внешнего вида останков. В поздневизантийский период формируется традиция чрезвычайно детальной оценки вида останков — по сохранности, цвету, запаху, наличию/от-

существованию волос. Такой обычай существовал и ранее, но, по всей видимости, именно к XIV–XV вв. он приобрел повсеместное распространение и обогатился разнообразными фольклорными представлениями.

Если до XV в. эта практика могла вызывать некоторые сомнения и существовала неофициально, то в XVI–XVII столетиях она была зафиксирована в ряде юридических сборников: Номоканонах Мануила Малаксы и Иакова из Янины («Посох архиерейский»), а позднее в Пидалионе Никодима Святогорца. Первые два памятника ссылаются на один общий источник — некую древнюю рукопись, переписанную митрополитом Макарием Сабатом, из храма св. Софии в Фессалонике. Очевидно, что они заимствовали текст из более раннего, вероятно, не сохранившегося источника византийского периода.

В Номоканоне Мануила Малаксы (1582 г.) данная тема рассматривается в трех главах. Первая из них называется «Об отлученном, как узнать после его смерти, почему он был отлучен» (глава 33 по РНБ греч. 600). В тексте указываются следующие пункты: если человек был проклят, то сохраняется только передняя часть его тела; если находится под анафемой, то выглядит желтым, а ногти его сморщенные; если он черного цвета, то отлучен архиереем; если белого — отлучен божественными канонами. За этим перечислением стоит вопрос: как быть с теми, кто отлучен иереем. На него отвечает следующая глава, которая гласит, что иерей не имеет права отлучать кого-либо без разрешения архиерея. Далее повествуется о неразложившемся покойнике, у которого не сохранились волосы: касательно такого покойника могло возникнуть затруднение, был ли он отлучен, или нет. Поэтому рекомендовалось переложить его в другую, «девственную» могилу, и спустя некоторое время снова проверить состояние его останков.

Аналогичный текст содержится в главе 34 Номоканона архим. Иакова из Янины (1645 г., рукопись БАН РАИК 141). К ней в сборнике примыкают следующие две главы: 35 я, о том, что тела отлученных от архиерея не подвержены тлению; однако если архиерей прочитает разрешительную молитву, то тело разложится, как положено; 36 я о покойнике без волос. Если он не разлагался и после прочтения архиереем разрешительных молитв, то здесь мы встречаем странное для юридического текста заявление о том, что умерший должен «вернуться и выплатить тот долг (букв. несправедливость), который он остался кому-то должен».

Несомненно, все эти традиции сохранялись и позднее, что нашло отражение в «Пидалионе» Никодима Святогорца, созданного в конце XVIII в. Никодим делает различие между останками человека святого, которые сухи на вид и благоухают, и останками отлученного, которые обладают всеми противоположными качествами. При этом Никодим, как человек новой эпохи, не считает эти критерии абсолютными; он говорит, что состояние тела покойника может зависеть от качества почвы, влажности и т. д.

Такие явно фольклорного происхождения обычаи, вошедшие в поздние юридические сборники, как мы видим, почти без критической оценки их составительницей, тесно связаны с широко распространенными в греческом мире представле-

ниями о вурколаках — грешниках, ставших привидениями и питающихся кровью живых людей. Их неразложившиеся тела выкапывали и пронзали сердце кинжалом, чтобы лишить вурколака силы. Характерно, что против веры в вурколаков в номоканонах, как поздневизантийских, так и поствизантийских, существовали очень определенные строгие постановления (самый ранний текст датируется 1438 г. — ответы великого просинкелла Константинопольского патриарха на вопросы критского священника Георгия Дразины). Тем не менее, в греческих землях в XVII–XVIII вв., по свидетельствам западных путешественников, производились целые церемонии с участием духовенства для обезвреживания вурколака и его перезахоронения. О них говорит Лев Алляций в своем сочинении об обычаях современных ему греков; существует немало параллельных текстов в поствизантийских житиях, хрониках (напр. Хронографе Дороефа), полемических сочинениях (Митрофана Критупула). Эти понятия были очень распространены вплоть до первой половины XX в.: на о. Тасос люди боялись ходить на кладбище без священника; пережитки их сохраняются до сих пор.

Н. В. ГИНЫКУТ

И. Е. ДОН

Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
(Севастополь, Украина)

ВИЗАНТИЙСКОЕ ПОЛИВНОЕ ПОЛИХРОМНОЕ БЛЮДО ИЗ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА

Византийская поливная керамика занимает особое место в археологическом контексте средневековых городов. Среди массового материала встречаются уникальные находки, а некоторые из них являются даже произведениями искусства. В 1998 г. при раскопках Цитадели Херсонесского городища (руководитель экспедиции И. А. Антонова) были найдены фрагменты археологически целой белоглиняной поливной полихромной чаши с сюжетным рисунком. Центральную часть занимает медальон с изображением сидящего по-восточному музыканта с щипковым инструментом типа лютни, аккомпанирующего акробату, стоящему на руках правее от него. Медальон окружают две декоративные полосы, подчеркнутые двойным контуром. Первая, ближайшая к медальону, — крестообразно разделена на четыре чередующихся между собой сектора, представляя, по-видимому, крест, поля между ветвями которого украшены изображениями небольших крестиков в ромбе. Вторая — заполнена вьющимся стеблем с пальметовидными ответвлениями. Внешнюю поверхность чаши покрывает так называемая «красная пестрота» с каплями светло-зеленой поливы. Цветовая гамма включает 5 цветов: черный, сине-голубой, зеленоватый, желтый и красный. находка относится к редкой группе поливы Polychrome Ware. Среди этой серии выделяется ряд устойчивых

признаков, объединяющихся в единый тип с подтипами, центрами производства которого считают 2 региона — Никомедию и Болгарию. Яркая гамма цветов, сюжетность в орнаментике позволяет отнести нашу находку к производству района Никомедии, где оно существовало согласно письменным источникам.

Точной аналогии чаще не найдено. Подобные сосуды не часто встречаются в археологических слоях. Однако керамика с пятицветной росписью известна при раскопках Константинополя, Коринфа, Тамани др. центров. Полихромные блюда с сюжетным рисунком находят и в средневековых слоях Херсонеса, где находки исследователями датируются в пределах от IX до XII вв. Наша чаша не имеет четкой стратиграфической ситуации. Но композиционный прием в оформлении декора сосуда и сам орнамент характерны для византийских миниатюр и прикладного искусства XI–XII вв. Найденные в засыпи монеты конца XI–XII вв. позволяют определить ее в пределах XI, возможно рубежа — первой половины XII столетия, что совпадает с датировкой этого типа керамики из других регионов. Подобная керамика, подражавшая дорогим византийским эмалям, по мнению ряда исследователей, могла поступать в качестве дорогостоящего импорта для светской знати и духовенства, в числе посольских и свадебных даров. Редкость нашей находки с богатым декором не исключает такого пути проникновения в средневековый Херсон.

А. А. ЕВДОКИМОВА

Институт Языкознания РАН

(Москва, Россия)

КАППАДОКИЙСКИЙ ДИАЛЕКТ СРЕДНЕГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА ПО ЭПИГРАФИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Существующие описания каппадокийского диалекта базируются на сборе материала в результате экспедиции в начале XX века (работа R. M. Dawkins *Modern Greek in Asia Minor a study of the dialects of Silli, Cappadocia and Phárasa, with grammar, texts, translations and glossary* by. Cambridge: 1916) и опросах носителей, которые переехали в Грецию (статьи Марка Янсе). Анализ диалектных черт по корпусу надписей (209 надписей и граффити), собранному Г. де Жерфаньоном, (G. de Jerphanion, *Une nouvelle province de l'art byzantin- Les Eglises rupestres de Cappadoce. Bibliothèque archéologique et historique. Paris: 1925–1942*) представлен в нашей диссертации (Евдокимова А. А. *Греческие граффити Софии Киевской. М.-Спб.: 2008*) в сравнении с граффити из Парфенона и Софии Киевской.

Однако корпус существующих каппадокийских надписей не ограничивается указанной работой Г. де Жерфаньона. Николь и Мишель Тьерри работали над дешифровкой надписей на фресках из Каппадокии, опубликованных в их книге, совместно со сфрагистом Р. П. В. Лораном. При этом большую часть надписей они

опубликовали внутри описания фресок, сопровождая их расшифровкой и переводом без подробного анализа. Замечания и о палеографии, и об орфографии (Nicole et Michel Thierry. *Nouvelles églises rupestres de Cappadoce. Region de Hasan Dağı*. Paris: 1963. P. 63–64, 85–86, 112, 134, 152, 171–172, 180, 191, 212–213, а также сводная таблица начертаний букв, рисунок 51) встречаются в их работе отдельно. Этот же принцип был реализован Николь Тьерри и в более поздних работах при описании церкви Юсуф Коч (Yusuf Koç Kilisesi église rupestre de Cappadoce//Nicole Thierry. *Peintures d'Asie Mineure et de Transcaucasie aux X-e et XI-e s.* London: 1977. IX P. 201–202) и церкви Камбазли из Ортахисара (Une nouvelle église rupestre de Cappadoce Kabazli Kilise a Ortahisar.//Nicole Thierry. *Peintures d'Asie Mineure et de Transcaucasie aux X-e et XI-e s.* London: 1977. XI P. 20–21). Однако 6 погребальных надписей из церкви Эгри таш опубликовано в специальном разделе с прописками и комментариями (Nicole et Michel Thierry. *Nouvelles églises rupestres de Cappadoce. Region de Hasan Dağı*. Paris: 1963. P. 67–70, pl. 36–37), как и литургическая надпись из церкви Бахаттин Саманлихи (Ibid. P.156, 36) перед началом описания фресок или посвятительные надписи из церкви Дирекли (Ibid. P.184, 44) и из церкви Святого Георгия (Кирк Дам Алти) (Ibid. P.202–207, 44), свидетельствующая о жизни греков под властью сельджуков. Последняя надпись более подробно была разобрана Лораном в отдельной статье (V. Laurent. *L'inscription de l'église Saint-Georges de Belisérama*//Nicole Thierry. *Peintures d'Asie Mineure et de Transcaucasie aux X-e et XI-e s.* London: 1977. I P. 367–371). Сама Николь Тьерри написала статью (Un style byzantin schématique de Cappadoce daté XIe siècle d'après une inscription.//Nicole Thierry. *Peintures d'Asie Mineure et de Transcaucasie aux X-e et XI-e s.* London: 1977. XII P. 45–62.) по надписи из церкви Святого Михаила из Ихлара и ряду других.

В 2002 г. в совместной статье (Découvertes archéologiques et épigraphie funéraire dans une vallée de Cappadoce.//Catherine Jolivet-Lévy. *Etudes Cappadociennes*. London: Pindar Press. 2002. P. 116–152) К. Жоливет-Леви и Г. Киуртзиан описали 20 погребальных граффити, найденных ими недалеко от Ургюба близ местечка Капили дере. Этот комплекс граффити не только однороден по тематике, но и близок по палеографии, несмотря на разные почерки, все граффити начертаны маюскулами со сходными формами букв. Ученые предложили датировать указанные памятники VIII–IX веками. В остальных работах К. Жоливет-Леви граффити обычно не рассматриваются, если и приводятся, то без анализа палеографии, фотографии и т. д. (Images et espace culturel à Byzance: l'exemple d'une église de Cappadoce (Karşı kilişe, 1212)//Catherine Jolivet-Lévy. *Etudes Cappadociennes*. London: Pindar Press. 2002. P. 288), сам текст, надписи более подробно издаются только сопутствующие фрескам и идентифицирующие святых или посвятительные и/или с датами. Ярким примером отношения исследователя к граффити является упоминание о многих, в том числе погребальных, граффити в памятнике Капили Вадиси (Catherine Jolivet-Lévy. *Les églises byzantines de Cappadoce. Le programme iconographique de l'abside et de ses abords*. Paris: 1991. P. 172), без приведения текста оных в самой работе.

Недавно вышла программная статья этого же автора, посвященная взаимосвязям между фресками и граффити на них, в которой не было приведено ни одного текста по-гречески (Catherine Jolivet-Lévy. *Invocations peintes et graffiti dans les églises de Cappadoce (IXe-XIIIe siècle)*//Des images dans l'histoire. Paris: 2008. P. 163–178).

В докладе будут представлены новонайденные граффити из Каппадокии и результаты анализа каппадокийского диалекта среднегреческого языка по существующим публикациям и недавним находкам.

М. А. КУРЫШЕВА

Институт всеобщей истории РАН
(Москва, Россия)

**ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ГРЕЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ «СТИЛЯ РЕДЖО»
(на примере пяти экземпляров из собрания ГИМ)**

В рукописном собрании Государственного Исторического музея имеются пять греческих рукописей XII столетия из Южной Италии (*Син. греч. 94, 95, 163, 432, 505*). По содержанию это довольно разнородный материал — беседы на новозаветные тексты Иоанна Златоуста, Номоканон, Патерик, отрывок из I кн. Маккавеев (на защитных листах одной из рукописей). Все они относятся к так называемому стилю «Reggio».

Этот тип (стиль) письма, по общему мнению исследователей, происходит из Южной Италии, его расцвет приходится на период между 1118 и 1240 гг. Наиболее характерные палеографические особенности: дельта с заостренной петелькой, особая широкая лямбда, напоминающая письмо Чикаго-Карахиссарской группы рукописей с утолщением на ножке, и др.

Палеографическому и кодикологическому анализу рукописей стиля «Reggio» посвящено фундаментальное исследование П. Канара и Ж. Леруа (1977). Итальянский исследователь С. Лука (1993) рассматривал данный стиль как эволюцию «россанского стиля». Он считал, что можно говорить о двух этапах развития стиля: ранний (со второй половины XI в. до середины XII в.) и более поздний, собственно «стиль Реджо» (с середины XII в. до XIV в.).

Рукописи «стиля Реджо» из собрания ГИМ никогда ранее не были объектом специального изучения. Их описания есть в Каталоге архимандрита Владимира (Филантропова) 1894 г. А также приведены в «Дополнениях» к этому каталогу Б. Л. Фонкича и Ф. Б. Полякова 1993 г., где дана датировка (XII век) и указана обобщенная южноитальянская локализация.

В нашем докладе будут изложены аргументы для уточнения датировки каждой рукописи, прояснения локализации места их создания, реконструкции нюансов их дальнейшего бытования.

Т. В. КУЩ
Уральский Федеральный университет
им. первого президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

ТИТУЛ СОПРАВИТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДОУСОБИЦЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV В.: ПРОСОПОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ¹

Во внутридинастические распри, разгоревшиеся во второй половине XIV в., были втянуты все члены императорской фамилии. Основное противостояние вспыхнуло между императором Иоанном V Палеологом (1341–1391) и его сыном Андроником IV, который неоднократно проявлял неповиновение и несколько раз пытался занять престол. Следующий этап уСОБИЦЫ был связан с выступлением против Мануила II Палеолога (1391–1425) сына Андроника, Иоанна VII, не без оснований претендовавшего на византийский трон. Фактологическая канва этих конфликтов довольно подробно представлена в научной литературе (Дж. Баркер, Дж. Деннис, П. Чаранис), однако ряд существенных аспектов этой темы еще не попали в поле зрения исследователей, как, например, проблема изучения механизмов борьбы за обладание престолом. В докладе обратимся к анализу титула соправителя в просопографическом срезе, чтобы обозначить специфику политической борьбы в поздней Византии. Наша задача состоит в том, чтобы через презентацию носителей звания соимператора и анализ обстоятельств, при которых присваивался или отнимался столь высокий титул, показать, каким образом титулатура могла быть и рычагом разжигания внутридинастической борьбы, и средством примирения конфликтующих сторон.

Одним из главных участников этих событий стал Иоанн V Палеолог, коронованный еще в 1341 г., но оттесненный от престола в 1347 г. в период гражданской войны своим тестем Иоанном VI Кантакузином, который был с 1341 г. его соправителем. Лишь в 1354 г. после отречения Иоанна VI Кантакузина Иоанн V Палеолог смог вернуть себе трон и власть в империи. Стремясь закрепить престол за своей семьей, он короновал в качестве соправителя в 1355 г. своего старшего сына Андроника IV. Титул соимператора означал, что его обладатель становился наследником и вторым лицом в империи. Во время своего путешествия в Рим в 1369–1371 гг. Иоанн, как и полагалось, оставил управление страной Андронику IV.

В результате конфликта между отцом-императором и Андроником, вспыхнувшего в период этого путешествия, непокорный сын в 1373 г. был лишен ста-

¹ Тезисы подготовлены при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (ГК 02.740.11.0578).

туса соимператора, который перешел среднему сыну Мануилу (будущему Мануилу II). Мануил носил до этого титул деспота, который являлся самым высоким после императора в поздневизантийской табели о рангах и присваивался преимущественно членам императорской семьи. Носители этого титула получали в управление апанажи. Так, Мануил был правителем Фессалоники, его младший брат Феодор, ставший деспотом в 1376 г., управлял Мистрой.

Андроник, лишенный наследства, при поддержке турок захватил власть в империи в 1376 г., заточив отца и братьев в тюрьму. 18 октября 1377 г. состоялась официальная коронация Андроника IV уже как единоличного правителя, который поспешил сделать соимператором своего сына Иоанна (будущего Иоанна VII).

Обратившись за помощью к султану, Иоанн V вернул себе престол 1 июля 1379 г., вынудив Андроника бежать из столицы. Тяжелая внешнеполитическая ситуация заставила противоборствующие стороны искать примирения. В 1381 г. Андроник получил Силимврию (Селимврию) и был признан наследником (соправителем), а Мануил, лишенный высокого ранга соимператора, должен был довольствоваться управлением Фессалоникой.

После смерти Андроника Мануил вновь получает титул соправителя. Императором он становится в 1391 г., унаследовав власть от своего отца. В период конфликта Мануила II с сыном Андроника Иоанном VII средством замирения также становилось наделение своего политического противника титулом соправителя. В период 1392–1394 гг. Мануил и Иоанн, чтобы совместно противостоять турецкой угрозе, вынуждены были искать компромисса. В этих условиях Мануил подтвердил права Иоанна VII на престол, который, в свою очередь признал сына Мануила Иоанна (будущего Иоанна VIII) в качестве своего наследника. Иоанн VII, смирившись с приходом к власти своего дяди, получил в апанаж Силимврию (Селимврию) (1390–1399), затем стал правителем Фессалоники (1403–1408). В качестве регента он правил в Константинополе в период путешествия Мануила II по Западной Европе (1399–1403).

Таким образом, в период междоусобиц титул соправителя был важным инструментом политической борьбы в поздней Византии. Став соправителем, человек получал преимущество в наследовании престола. Лишение же этого статуса было призвано урезонить политические амбиции его прежнего носителя. Отсутствие четкого порядка наследования престола породило такой институт византийской политической системы как соправительство, создавая тем самым почву для борьбы внутри правящего дома за обладание этим титулом.

F. MONTINARO

Centre H'istoire et Civilisation de Byzance
(Paris, France)

**LES COMMERCIAIRES À CHERSON
AVANT LA DOUANE DU THÈME DE CHERSON**

Un petit nombre de sceaux de commerçants byzantins du VIIe siècle a trouvé sa voie dans les archives submergées de la ville de Crimée. Ces pièces n'ont pas jusque-là retenu suffisamment l'attention des historiens. Leur interprétation s'avère pourtant décisive, quoique particulièrement délicate, à la lumière du débat en cours sur les fonctions des commerçants pendant les < siècles obscurs >, difficiles à saisir en raison de l'état des sources. S'agit-il de fermiers du monopole de la soie nationale? Ou de fonctionnaires chargés de l'approvisionnement de l'armée? Ou bien d'autre chose encore? Avec un œil tourné vers ces questions, la présente contribution cherche à encadrer les trouvailles chersonites dans leur contexte historique et à définir la spécificité aussi bien que la portée générale de la mission des commerçants qui ont laissé leur trace dans la première ville de Crimée à l'époque où celle-ci, déjà plaque tournante des relations entre Byzance et le monde des steppes, gagne de surcroît en visibilité en accueillant les exilés illustres d'un Empire troublé par les conflits religieux et politiques.

**THE *KOMMERKIARIOI* IN CHERSON BEFORE
THE CHERSON THEME AND CUSTOMS POST**

A small number of seventh-century seals of Byzantine *kommerkiarioi* have found their way into the city's sunken archive. Historians have so far paid little or no attention to these objects. Their interpretation may, however, prove decisive, if difficult, in the light of the ongoing debate on the functions of < Dark-Centuries > *kommerkiarioi*. Were they businessmen farming the national silk monopoly? Or were they civil servants in charge of provisioning the army? Or yet something else? With an eye to answering these questions, the present paper attempts to set the finds in their historical context and assess the specificity as well as the general implications of the mission of the *kommerkiarioi* who have left their traces in Cherson at the time in which Crimea's main city and the hub of Byzantium's relations with the world of the steppes gains further visibility by hosting the troubled Empire's prominent religious and political exiles.

А. С. МОХОВ

Уральский Федеральный университет
им. первого президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЧИНОВНАЯ ЗНАТЬ XI В.: СПОНДИЛЫ²

В историографии, посвященной отдельным византийским семьям X–XII вв., основное внимание уделяется фамилиям провинциального происхождения, входившим в состав т. н. провинциальной военной знати. Исследований об истории семейств, принадлежавших к «столичной бюрократии» значительно меньше. Между тем, в последние годы, в связи с массовой публикацией сфрагистического материала, появилась возможность более детального изучения данной группы византийской аристократии. Настоящее сообщение посвящено Спондилам (Σπονδύλες) — одной из семей, принадлежавших к гражданской знати. Они упоминаются в источниках с начала XI в. как чиновники или церковные иерархи. О большинстве представителей данной фамилии свидетельствуют данные сфрагистики.

1. Лев Спондил:

— спафарокандидат, императорский нотариус и анаграфевс Селевкии (первая половина XI в.) — DOSeals 5, 2005. p. 10, nr. 6.2;

— спафарокандидат, императорский нотариус τοῦ εἰδικοῦ λόγου и анаграфевс Селевкии (вторая четверть XI в.) — Seibt, Zarnitz, 1997, s. 85–86, nr. 2.2.5;

— протоспафарий и куратор τῶν Ὁξέων (первая половина XI в.) — Laurent, 1981, p. 242, nr. 488;

— куратор Арсенала (τοῦ Ἀρσενᾶ) (середина XI в.) — Laurent, 1981, p. 345, nr. 669;

Следует отметить, что все эти печати принадлежат к одному сфрагистическому типу. Карьера Льва Спондила была связана, в основном, с секретом императорских имуществ (императорский нотариус τοῦ εἰδικοῦ λόγου, куратор Арсенала). Помимо этого он занимал незначительные должности в ведомствах логофета генерика (анаграфевс Селевкии) и логофета дрома (куратор τῶν Ὁξέων).

2. Иоанн Спондил:

— коммеркиарий Дристры (30–50-е гг. XI в.) — DOSeals 1, 1991, p. 151, nr. 65.2;

— хартуларий, диикит и ориарий (первая половина XI в.) — Seibt, 1978, s. 306;

— протоспафарий, судья и мистолект (вторая половина XI в.) — Cheynet, 1991, p. 232–233, nr. 16;

² Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., ГК 02.740.11.0578.

Как показывают печати Иоанн Спондил также занимал незначительные должности в гражданском аппарате управления. При этом он совмещал службу в провинциальной администрации (хартуларий, судья) с исполнением функций в ряде столичных ведомств. В частности, он имел отношение к сбору налогов (диикит), поставкам продовольствия (ориарий), а также к контролю за фемными судебными структурами со стороны императорской канцелярии (мистолект). Если все указанные моливдовулы принадлежали одному чиновнику, то к концу своей карьеры Иоанн являлся лишь протоспафарием — т.е. имел не очень высокий титул для второй половины XI в.

3. Константин Спондил:

— протоспафарий ἐπί τοῦ Χρυσοτοκκλίνου, судья вила и мистолект (до 1050 г.) — Jordanov, 2006, p. 380, nr. 668;

— анфипат (50–60-е гг. XI в.) — Йорданов, 1993, с. 197;

— вестиарит (60–70-е гг. XI в.) — Шандровская, 1977, с. 115, № 455.

Помимо этого, опубликовано еще несколько частных печатей Константина, которые датируются 70–80-ми гг. XI в. Этот представитель семьи Спондилов занимал более высокое положение, чем Лев и Иоанн. Об этом свидетельствуют титулы анфипата и, особенно, вестиарита (почетный телохранитель императора). Можно предположить, что Константин служил при дворе Константина X или Михаила VII.

В письменных источниках Спондилы упоминаются значительно реже. Следует упомянуть придворного внука (ἐπί των οἰκειακων) Михаила, протоспафария (?) и дуку Антиохии в 1026–1029 гг. На эту должность он был поставлен Константином VIII, который на все ключевые посты в военной и гражданской администрации назначал внуков из своего окружения. При Романе III Аргире Михаил был смещен за бездарное командование в войне против арабов. Вновь он упоминается в южноитальянских хрониках как участник похода войск Георгия Маниака на Сицилию в 1038 г.

Наиболее известным представителем семьи Спондилов являлся епископ протосинкелл Лев (по нашему мнению, его необходимо различать с Львом Спондиллом № 1, см. выше). Авторы исторических хроник XI–XII вв. называют его Параспондил (Παρασπόνδυλος) или Стравоспондил (Λέοντι τῷ Στραβοσπονδύλῳ). Однако в исследовательских работах неоднократно указывалось, что это лишь уничижительные прозвища («низкорослый», «мошенник»), а патроним Льва — Спондил (А. П. Каждан, Я. Н. Любарский).

Лев Спондил начал служить при дворе в правление Михаила IV Пафлагона. При императрице Феодоре и Михаиле VI Стратиотике он возглавлял императорскую администрацию. В 1057 г. именно конфликт протосинкелла Льва с военачальниками спровоцировал мятеж Исаака Комнина. Когда Исаак I пришел к власти, Лев Спондил был сослан в монастырь, а его имущество конфисковано. В Константинополь он возвратился только при Константине X Дуке, но значительных постов уже не занимал.

Подводя итоги, отметим, что возвышение семьи Спондилов связано, по всей видимости, с придворным внуком Михаилом. Он сумел добиться назначения неко-

торых своих родственников на незначительные должности в гражданской или церковной администрации. Один из них, Лев Спондил, в 1055–1057 гг. добился очень высокого положения. Однако после его отставки Спондилы, не имевшие значительных связей и поддержки в столичной бюрократической верхушке, окончательно утратили влияние. В XII–XIV вв. они упоминаются в источниках крайне редко: землевладелец Феодор Спондил (хрисовул, апрель 1145 г.); императорский прото-спафарий Василий Спондил (печать XIII в.); Афанасий Спондил (рукопись 1301 г.).

*Библиографические сокращения:

Йорданов И. Печатите от стратегията в Преслав. — София, 1993.

Шандровская В. С. Поправки и дополнения к «Каталогу моливдовулов» Б. А. Панченко//BB 38. — 1977.

Cheyne J.-Cl. Les sceaux du musée d'Iznik//REB 49. — Paris, 1991.

Jordanov I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. 2. — Sofia, 2006.

Laurent V. Le Corpus des Sceaux de l'empire byzantin II. — Paris, 1981.

McGeer E., Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fog Museum of Art 5. — Washington, 2005.

Nesbitt J., Oikonomides N. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fog Museum of Art 1. — Washington, 1991.

Seibt W. Die Byzantinischen Bleisiegel in Österreich I. — Wien, 1978.

Seibt W., Zarnitz M.-L. Das byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk. — Wien, 1997.

В. Е. НАУМЕНКО

Таврический Национальный университет им. В. И. Вернадского
(Симферополь, АР Крым, Украина)

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ «КОРСУНСКОГО ПОХОДА» КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА: КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ

Круг вопросов, имеющих отношение к так называемому «Корсунскому» походу древнерусского князя Владимира и его связи с официальным крещением Руси в 80-х гг. X в., остается, в значительной степени, предметом дискуссии в современной историографии. В настоящем докладе мы попытаемся показать важность комплексного анализа источников при их изучении, а также возможности археологических материалов, которые в данном случае могут в некоторой степени скорректировать наши представления о хронологии, масштабе и характере происходивших событий.

Несмотря на то, что о взятии Херсона Владимиром свидетельствуют лишь поздние по времени составления древнерусские источники («Повесть Временных лет», Иаков Мних), а из византийских авторов вскользь, без подробностей, о нем

упоминает только Лев Диакон, нет оснований сомневаться в достоверности этого исторического сюжета. Другое дело, что точная хронология похода и его общеполитический контекст по-прежнему не имеют единого решения у специалистов.

Только в «Повести Временных лет» поход Владимира увязан с последующим принятием им христианства в Херсоне. Во всех остальных источниках, в том числе у хронологически более близких по времени составления Яхьи Антиохийского и Степаноса Таронаци (Асохика), крещение правителя Руси происходит, очевидно, в Киеве и является одним из важнейших условий заключения здесь нового русско-византийского мирного соглашения, скрепленного династийным браком. Другим принципиальным пунктом договора становится участие русского экспедиционного корпуса в подавлении мятежа Варды Фоки. Особенно велика его роль в победе над восставшими в решающих битвах — при Хрисополе (осень 988 либо зима 988–989 гг.) и Абидосе (13 апреля 989 г.).

С учетом сообщения Степаноса Таронаци о том, что еще в 1000 г. на византийской службе продолжали находиться русские воины из числа тех, «которых просил царь Василий у царя Рузов в то время, когда он выдал сестру свою замуж за последнего», мало вероятным кажется господствующее в историографии мнение о разрыве после описанных событий 988–989 гг. русско-византийских отношений и организации Владимиром похода на Херсон, с целью принудить империю выполнять условия заключенного в Киеве брачного договора. Во-первых, потому что брак с принцессой Анной к этому времени был, скорее всего, уже заключен, во-вторых, вероятно, правы те исследователи, который видят в «Корсунском походе» исходный мотив для всех рассматриваемых событий, за которым следуют и прибытие византийского посольства в Киев, и заключение здесь мирного договора, и крещение Владимира накануне брака с Анной, и отправка русских наемников в Константинополь. Пытаясь определить причины нападения русских на Херсон, необходимо обратить внимание на справедливое заключение некоторых историков об активных дипломатических контактах Руси с Германией в первое десятилетие правления Владимира, до его принятия христианства, за которыми, очевидно, просматриваются контуры потенциального антивизантийского союза. Осада и взятие византийского форпоста в Северном Причерноморье, в таком случае, представляется логичным завершением русской политики в это время. Для Византии же, в условиях чувствительной военной неудачи в Болгарии в августе 986 г. и фактически разгорающейся гражданской войны в Малой Азии, это поражение потребовало значительных дипломатических усилий и политических уступок.

Трудно назвать точную дату взятия Херсона Владимиром. Скорее всего, эти события приходятся на 986–987 гг. По крайней мере, на наш взгляд, не случайно под этими годами в «Повести Временных лет» помещены сюжеты, связанные с так называемым «выбором веры», в котором участвовали византийцы, ответное посольство русов в Константинополь и заключительный совет Владимира с дружиной перед принятием новой религии.

Сопоставление полученных в ходе анализа нарративных источников заключений с результатами археологических исследований крупных городских цен-

тров Таврики и Таманского полуострова позволяет заключить, что театр военно-политического противостояния Древней Руси и Византии в 70–80-х гг. X в. не был ограничен Херсоном, столицей византийской провинции. Слои пожаров этого времени, скорее всего, синхронные между собой, выявлены во время раскопок Алустона, Сугдеи, Таматархи и, возможно, Боспора. В Алустоне и Сугдее археологические комплексы находок из них датированы монетами Константина VII Багрянородного выпуска 945–959 гг. и Никифора II Фоки (963–969). Таким образом, есть все основания полагать, что разрушения 70–80-х гг. X в. являются следствием походов русских дружин, не нашедших отражения в письменных источниках. Апогеем укрепления русского положения в регионе становится учреждение в правление Владимира Тмутараканского княжества на азиатской стороне Боспора.

Л. В. СЕДИКОВА

Национальный заповедник «Херсонес Таврический»
(Севастополь, Украина)

А. РАБИНОВИЦ

Техасский университет
(Остин, США)

НОВЫЕ ГРАФФИТИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ КОРАБЛЕЙ ИЗ ХЕРСОНЕСА

Граффити с изображением кораблей наиболее часто встречаются на памятниках, расположенных в зонах активного мореплавания. Города и поселения Черноморско-Средиземноморского региона в эпоху средневековья особенно богаты подобными находками. В Крыму граффити с изображением кораблей встречаются в Херсонесе (средневековом Херсоне) и его окрестностях, на крепостях Чембалы и Каламита, а также в генуэзской крепости в Сугдее.

В 2004 г при раскопках жилого квартала Южного района Херсонеса совместной экспедицией Национального заповедника «Херсонес Таврический» и Института Классической археологии Техасского университета в Остине был обнаружен известняковый блок со схематичным изображением всадника и двух кораблей. Наиболее интересной находкой является раздавленный пифос с граффити, обнаруженный в кладовой усадьбы 2. После реставрации стенки пифоса удалось восстановить изображение. В центре композиции находится большое судно с латинским парусным вооружением. За ним следует парусная галера. При всей схематичности изображения, следует отметить наличие многочисленных деталей в изображении устройства большого корабля. Специфические детали граффити, такие как расположение якорей, корабельные снасти и развевающиеся на ветру флаги, свидетельствуют о том, что их создатель был очень наблюдателен и, очевидно, близко знаком с кораблями такого типа.

Можно предположить, что перед нами графическое изображение большого торгового судна, эскортируемого военным кораблем. Граффити были начерчены на стенке пифоса, когда тот находился в горизонтальном положении. Место производства этого тарного сосуда также не ясно. Наличие слюды в глиняном тесте не характерно для местного сырья. В пифосе, по всей вероятности, хранили зерно. Не исключено, что именно этот товар был привезен в Херсонес в пифосе с граффити. Было ли изображение корабля начерчено на стенке пифоса в месте его изготовления или в порту погрузки — остается неизвестным. Не исключено, что его сделал последний хозяин — житель Южного района Херсонеса, который, судя по находкам в усадьбе, был связан с обработкой рыбы. Катастрофическое разрушение квартала около середины XIII в. может датировать изображенные на пифосе корабли. Можно предположить, что до указанного события Херсонес еще находился в орбите интенсивной морской торговли.

В. А. СИДОРЕНКО

Крымское отделение Института Востоковедения НАН Украины
(Симферополь, АР Крым, Украина)

МОНЕТНОЕ ДЕЛО СРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНА V–VII ВВ. Н. Э.

В ранневизантийское время Херсонес чеканит бронзовые монеты с именами императоров Валентиниана III (425–455 гг.) и Феодосия II (425–450 гг.) — с общим типом оборотной стороны: две фигуры императоров в воинском облачении по сторонам креста, CONCODRIAAGV (LRBC II, 2231, 2232). Изначально чеканка производится с одновременным использованием штемпелей лицевой стороны, на которых помещались имена то ли Валентиниана III, то ли Феодосия II. Построение схемы последовательности использования штемпелей монет с двумя фигурами императоров показывает, что изготовление и эксплуатация штемпелей лицевых сторон с именем Феодосия прекращается на определенном этапе, что, вероятнее всего, было связано с получением в Херсоне сведений о смерти этого императора в 450 г., в то время как монеты с именем Валентиниана продолжали выпускаться. Таким образом, заключительные выпуски Валентиниана III можно относить ко времени его правления после смерти Феодосия в 450–455 гг. Тип изображения лицевой стороны монет архаичен, в качестве прототипа взяты портретные изображения медных монет Валентиниана II (378–392 гг.), где император изображен погрудно в профиль в шлеме, со щитом и копьём в руках. В процессе чеканки в изображения вносятся незначительные изменения, касающиеся завитков диадемы и формы наконечника копья. В ранних выпусках форма наконечника стреловидна, позже ее сменяет листовидная. Завитки диадемы изначально прямые, на последних выпусках дуговидные. В отличие от прототипа — медных монет

Валентиниана II — щит в руке императора на лицевой стороне херсонских монет Валентиниана III и Феодосия II снабжен умбоном с острым выступом. Этот элемент и листовидная форма наконечника копья придают воинским атрибутам императора сходство с современным монетному выпуску вооружением, каковыми являлись кулачный щит и метательное копье (лат. «ланцея», греч. «лонх»). Прототипом оборотной стороны возможно послужил тип медных монет 408–423 гг. Гонория с фигурами двух императоров чеканки Константинополя и Гераклеи (LRBC II, 2223) с дополнением изображения высоким крестом между фигурами и заменой легенды на легенду CONCORDIA AVG с выпускными сведениями в обресе CONS мелкого номинала меди (LRBC II, 2233–35). В легенде на монетных выпусках Херсона буквы R и D поменялись местами, а надпись в обресе воспроизводилась в форме COIS. Устойчивые для всего выпуска ошибки в латинском тексте надписей, а также исключительное распространение этих монет на городище Херсона и территории его ближайшего окружения (в Юго-Западном Крыму) свидетельствуют в пользу их местного производства. Отметим, что с той же легендой CONCORDIA AVG в 425–450 гг. от имени Феодосия II выпускались монеты мелкого номинала в Гераклею Фракийской (LRBC II, 2002–2003), крупного — в Фесалониках (LRBC II, 1878).

Лев I (457–474 гг.), Верина (457–474 гг.). В Ханом высказывалось мнение о возможности чеканки монет Льва I и Верины в константинопольской мастерской для обеспечения монетного обращения Херсона, но сосредоточение находок этих монет на городище средневекового Херсона и в Юго-Западном Крыму склоняют к мысли о принадлежности их херсонскому производству, несмотря на помещаемое в обресе некоторых штемпелей оборотных сторон CONE (Лев I, Верина) или CON (Лев I). Прототипом обеих сторон монет Верины послужили медные монеты Флациллы 383–392 гг. (LRBC 2149, 2162, 2167), при этом в типе оборотной стороны (крылатая Виктория на троне держит в руках круглый щит с изображением хризмы) заимствованы и легенда SALVS REI-PVBLICAE, и буквы в обресе CONE. Те же буквы CONE находятся на реверсе раннего выпуска монет Льва I, но монетный тип их реверса заимствован с медных монет с легендой VIRTVS-EXERCITI также выпусков 383–392 гг. Валентиниана II, Феодосия I, Аркадия или Магнуса Максимуса (LRBC 2171–2173, 2175–2180, 2182). В легендах реверсов монет Льва I имеются пропуски буквы (VIRTVS-EXRCITI) или опущена последняя (VIRTVS-EXERCIT). Более поздний выпуск монет Льва сопровождается то же изображение реверса — император с лабарумом и сферой, попирающий пленника, но новая легенда та же, что на монетах Верины, передаваемая в искажении: SALVS R-PVRLICA; SALVS R-PVRLCA (LRBC 2254–2257). Один из штемпелей оборотной стороны второго периода чеканки имеет изображение императора, голу которого окружает нимб.

Положившая начало херсонской чеканке монет Льва I серия из выпусков Льва I и Верины с обозначением выходных данных CONE принадлежит, несомненно, компилятивному типу, что само по себе практически опровергает возможность

использования подобного, сменившегося новым в официальных чеканках типа в столичном производстве, подкрепляя херсонскую атрибуцию выпуска. Отметим, что прототип херсонских выпусков Верины — монеты Флациллы кроме 383 г. в период 383–392 гг. выпускались в Константинополе только со знаком пятой официны — CONE (LRBC II, 2162, 2167, 2170, 2174, 2181). Монеты Флациллы с тем же типом оборотной стороны известны в чеканках Сисции (LRBC II, 1560, 1562, 1566), 4-й официны Фесалоник (LRBC II, 1835, 1839, 1844, 1847), Гераклеи Фракийской (LRBC II, 1974, 1982), Никомедии (LRBC II, 2376, 2386) и ее же 3-й официны (LRBC II, 2390), Антиохии (LRBC II, 2717, 2737, 2744, 2747). Но тот же монетный тип чеканится от имени Евдоксии (400–408 гг.) в Константинополе (LRBC II, 2213), Никомедии (LRBC II, 2445), Кизике (LRBC II, 2589), Антиохии (LRBC II, 2800) и Александрии (LRBC II, 2919). Можно предполагать, что для производства в Херсоне монет Верины был избран наиболее характерный для женщин-август монетный тип, а представленный экземпляром чеканки Константинополя времени Флациллы он определил и помещение на монетах херсонской чеканки не соответствующих месту производства выходных данных CONE.

Зенон (474–491 гг.). Монеты Зенона не снабжались выпускными сведениями. Тип реверса тот же, что у монет Льва I — император, попирающий варвара или пленника, но в руке императора редко — лабарум или копье острием вниз, чаще — длинный жезл, завершающийся крестом. Легенды имеют всегда искаженные написания: CONC...-CVRO (LRBC 2277), CONCO-DIARO, CONCO-IAROM, CONC-ODIAR. Читаемое в окончании некоторых легенд ROM, RO или R указывают на то, что в основе их лежит копируемый лозунг CONCORDIA ROMANORUM, не известный в чеканке позднеримской меди, но представлявший комбинацию из распространенных в ней лозунгов: CONCORDIA AVGG или CONCORDIA MILITUM (согласие августов или воинов) и GLORIA ROMANORUM (слава римлян). Легенда лиц. ст. имеет более полную форму, чем легенды золотых монет Зенона константинопольской чеканки, на которых титулатура сокращена до четырех букв DNZENOPERPAVG. На медных херсонских монетах она встречается в более полном написании DNZENOPERPEAVG, что склоняет к мысли об использовании в качестве прототипа надписи более полного титула PERPET с херсонских монет Льва I. Собственно, заимствуется и сам тип реверса херсонских монет Льва I с тем отличием, что в правой руке императора иногда сохраняется лабарум, но на ряде штемпелей это то ли копье, обращенное острием вниз, то ли длинный жезл, увенчанный крестом.

При Юстиниане I (527–565 гг.) монетный двор Херсона начинает производство мелких медных монет, не сопровождавшихся также как и монеты Зенона выпускными сведениями. В основном, не вдаваясь в некоторые различия в деталях, монеты подразделяются на три типа по различиям оформления оборотных сторон: 1) Об. ст.: VICTORIAAVGGGЄ; 2) Об. ст.: VIC-TOR, император в рост с длинным крестом и сферой, увенчанной крестом или без него; 3) Об. ст.: VIC-TOR, император в рост с длинным крестом и щитом. В. Хан изначально относил их к чеканке

Юстина I (518–527), но впоследствии отнес некоторые из них, включая и монеты с легендой VICTORIAAVGGGЄ к Юстиниану I. И. В. Соколова причисляла монеты с легендой VICTOR отчасти к Юстину I, отчасти к Юстиниану I. В. А. Анохин относил все выпуски ко времени Юстиниана I. Принадлежность чеканке Херсона медных монет Юстиниана I с легендой об. ст. VICTORIAAVGGGЄ, подтверждается их находками в Херсонесе. Очевидно, этим выпуском начинается чеканка Херсона при Юстиниане I, а последующий выпуск сохраняет тот же монетный тип с тем отличием, что легенда об. ст. сокращается до пяти начальных букв. Среди массово находимых на городище Херсонеса монет с легендой VIC-TOR встречаются чеканенные общим штемпелем лицевых сторон экземпляры с разными атрибутами императора на оборотных сторонах (сфера или щит), что позволяет рассматривать их как единовременные выпуски времени Юстиниана I, имя которого прописано полно и четко не на всех экземплярах, и датировать их 527–548 гг.

Очевидно, с изменением статуса города связано изменение монетного типа в чеканке Херсона при Юстиниане I, когда на смену монетам с типом оборотной стороны «император с лабарумом или длинным крестом и сферой или щитом, VIC-TOR» приходят монеты с монограммой, которую еще Келлер предлагал читать как название города, а А. В. Орешников распространял в «полис Херсон». В. Хан обратил внимание на стилистическое сходство изображений головы Юстиниана I на монетах с монограммой и подобного изображения на константинопольских декануммиях 22 года его правления, соответствующего 548/549 г. Это наблюдение позволяет сузить датировку выпуска херсонских монет с монограммой до 549–565 гг., а также определять временем около 549 г. реорганизацию с утверждением полисного городского устройства, когда город получил наряду со статусом пограничного полиса ряд привилегий, выражавшихся, в том числе, в праве городской чеканки с помещением на монетах названия города.

Следующий выпуск представлен двумя номиналами — фоллисом (M) и полуфоллисом (K), легенду лиц. ст. которых составляет название города. Эту беспрецедентную для Византии периферийную чеканку анонимных монет, датированных прежде временем Маврикия Тиберия (582–602), В. Хан убедительно отнес ко времени Юстина II (565–578). За основу типа лицевой стороны, как это отмечалось В. Ханом, был взят общевизантийский тип с изображениями фигур Юстина II и Софии, с той разницей, что на херсонских монетах они изображены не сидящими, а в рост. На той же датировке остановился В. А. Анохин, повторивший в целом аргументацию В. Хана, но помимо монет со знаками номиналов M и K к правлениям Юстина II и Тиберия II (578–582) он относил всю анонимную чеканку со знаками стоимости H (8) и Δ (4). И. В. Соколова распространяла выпуск анонимных монет Херсона с M и K на правления Юстина II (565–578) и Тиберия II (578–582). Следующие серии монетных выпусков заимствуют тип обеих сторон монет с M и K, но название города пишется через омикрон вместо омеги, а номиналы обозначаются в новых единицах 8 и 4 при сохранении размеров и среднего веса прежних фоллиса и полуфоллиса. Эти орфографические и стоимостные из-

менения предусматривают наличие определенного хронологического промежутка, отделявшего выпуски один от другого. Таковой промежуток совпадает с отмечавшимся В. Ханом отсутствием соправителей у императоров между 578 и 690 гг. Таким образом, предложенная В. Ханом датировка монетной серии с М и К временем Юстина II (565–578) наиболее убедительна.

Проблема соотношения монетных выпусков Херсона со знаками стоимости 8 и 4 с подобными им типологически, но снабженными именем императора Маврикия Тиберия, порождавшая разноречивые мнения исследователей, устраняется с атрибутированием последних как выпусков Боспора. По топографии находок к чеканке Боспора могут быть отнесены также приписывавшиеся иногда Херсону выпуски с именами Ираклия и Ираклия Константина со знаком стоимости Н, надчеканки монограммы имени Ираклия на монетах Херсона и монеты Константа II с буквами КВ на реверсе.

В результате исключения из предполагавшейся чеканки Херсона монетных выпусков Боспора обнаруживается, что со времени Юстина II в Херсоне устанавливается единый монетный тип анонимной чеканки с именем города в легенде аверса, осуществлявшейся эпизодическими выпусками до правления Ираклия (610–641) включительно. Чеканка при Юстиниане I монет с монограммой и последующая анонимная чеканка 565–641 гг. с легендами «Херсон» отражают особый «полисный» статус города. Атрибутом этого статуса становится должность дукса, засвидетельствованная эпиграфическими памятниками Херсона и временно подчиненного ему Боспора. Подобные должности дуксов, выполнявших функции военачальников отдельных пограничных городов, где они командовали силами расквартированных на границах империи *giparienses* или *limitanei*, известны в Византии, но аналогий привилегии анонимной чеканки не находится. Отдаленную аналогию представляют двусторонние сицилийские надчеканки времени Ираклия на монетах столичных выпусков, несшие погрудные изображения императоров на одной из надчеканок и сокращенное название города на другой.

Изменение номиналов монетных серий с переходом к выпуску монет в 8 и 4 единицы различно трактовалось исследователями. П. Ламброс и В. Рос считали, что цифры 8 и 4 на монетах обозначали счисление номинала в пентануммиях, а Ф. Гриерсон рассматривал пятикратное увеличение веса номиналов как следствие кризиса в экономике империи и Херсона. И. В. Соколова первоначально разделяла мнение Ф. Гриерсона, но позже повторила мнение А. В. Орешникова, что выпуск в Херсоне фоллисов с обозначением традиционных для Византии номиналов в 40 и 20 нуммий мог являться попыткой ввести общевизантийскую систему счета, а последующее обращение к знакам стоимости 8 и 4 означало возвращение к старой — в местных единицах, приравнивавшихся по весу к пентануммию. Как представляется, изменение номинала с пятикратным увеличением веса единицы должно быть связано с какими-то конкретными событиями, вносившими изменения в экономическую сферу города, а причины приспособления к новой единице скорее не порождались городским обращением, а исходили из необходи-

мости адаптации этого обращения к новым условиям. Такие условия складываются в 589/90 г. в связи с расширением заселенных федератами Византии территорий в округе Херсона и временном административном подчинении ему Боспора. Вторая серия анонимной чеканки Херсона представляет собой не сопряженные общими штемпелями об. ст. выпуски, производившиеся, судя по всему, эпизодически на протяжении 590–610 гг.

Заключительная серия херсонской анонимной чеканки крупных номиналов отличается от второй более грубым исполнением штемпелей и небрежной формой монетных кружков. Эту серию объединяет группа монет, в чеканке которой использовались семь штемпелей лицевой стороны в старшем номинале и пять — в младшем (для чеканки одного из выпусков монет младшего номинала применен штемпель старшего). Вся серия, на наш взгляд, может датироваться временем правления Ираклия (610–641 гг.). Основанием для подобной датировки служат находки трех подобных монет в раннесредневековых могильниках Крыма (Суук-Су, Эски-Кермен, Мангуп) в составе комплексов с пряжками, датируемыми первой половиной и серединой VII в. Для пяти выпусков старшего номинала (каждый из выпусков чеканен своим штемпелем лиц. ст.) встречены экземпляры с боспорскими надчеканками в виде монограммы имени Ираклия. Отсутствие таких надчеканок на монетах последнего выпуска серии, вероятно, свидетельствует о совпадении времени этого выпуска с прекращением надчеканивания херсонских анонимных монет старшего номинала на Боспоре.

В. П. СТЕПАНЕНКО

Уральский Федеральный университет
им. первого президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

К CURSUS HONORUM ВАСИЛА, СЫНА АПУХАПА³

Карьера Васи́ла, сына Апуха́па, известна как по нарративным («Хронография» Маттэса Урхайеци и др.), так и по сигиллографическим данным. Ей посвящен ряд работ как отечественных, так и зарубежных исследователей. В настоящее время *cursus honorum* Васи́ла может быть реконструирован следующим образом:

1. патрикий и стратиг Манцикерта 1054/55 (Ластивертци, 101)
2. вестарх и катепан Васпуракана ок. 1064/65 (печать)
3. эпархонт городов на Дунае (Scyl. Cont., 113–114. Магистр, вест и дука (печати, найденные в этом районе).
4. проедр и дука Эдессы (ок. 1065–1067) (печать)

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2010–2011 гг. ГК 02.740.11.0578.

5. протопроедр и дука Эдессы (1065–1067?) (печать)

6. протоновелиссимос и дука Эдессы (1078–1083)

7. севаст и дука Эдессы (1078–1083)

Определенные проблемы представляет собой датировка печатей Васи́ла как дуки Эдессы. Дело в том, что в городе он появился после завершения военных действий на Дунае в 1065 г., где был встречен отцом Апухапом и горожанами. Но мы можем лишь предполагать, что он был назначен дукой фемы Эдесса в этом году, основываясь на гипотетической датировке 3 известных его печатей как проедра и дуки Эдессы. До 1067 г. его сменил на этом посту вестарх Лев Арвентин.

Далее Васил служил где-то на востоке, после 1071 г. оказался в лагере Филарета Врахамия. Оставленный Романом IV Диогеном для охраны восточной границы, после поражения императора в гражданской войне 1071–1072 гг. и переворота Дук в Константинополе, Филарет сохранил контроль над частью восточных фем.

После очередного переворота в Константинополе, приведшего к власти Никифора Вотаниата, Врахамий признал его в обмен на легитимацию собственной власти в восточных фемах. Сам он и его ставленники получили византийские саны, возраставшие по мере ослабления влияния Константинополя на Ближнем Востоке в обстановке сельджукского завоевания региона.

Показателен *cursus honoꝝum* Филарета в 1078–1086 гг. — куропалат и дука Антиохии, куропалат и дука Востока, куропалат и стратопедарх Востока, протокуропалат и доместик схол Востока, севаст и великий доместик, протосеваст и доместик Востока. Соответственно его ставленники в восточных фемах — Торос, сына Хетума, — куропалат и дука Мелитены, его преемник на этом посту Гавриил — протокуропалат и дука, позже — новелиссимос, протоновелиссимос и дука Мелитены, Васил, сын Апухапа — протоновелиссимос, позже — севаст и дука Эдессы. Ж.-Кл. Шене датирует правление Васи́ла в Эдессе как дуки и протопроедра последними годами царствования Михаила Дуки, т. е. 1077/78 гг., отмечая явный провинциализм надписей матриц, по видимому, выполненных в Эдессе (*Zacos.*, 65).

На наш взгляд, данное мнение, разделяемое рядом исследователей, недостаточно аргументировано, учитывая, что признание Врахамия Вотаниатом и Филаретом Вотаниата в качестве императора произошло лишь с началом в Малой Азии мятежа последнего и последующим приходом его к власти, т. е. между 2 октября 1077–3 апреля 1078 гг. Тогда же Врахамий фактически захватил номинально византийскую Антиохию, получив на это, судя по печати, санкцию или признание Вотаниата. Против же Эдессы был послан Васил, сын Апухапа, осадивший вскоре сданный ему город и ставший его правителем. Ни Филарет, ни он сам не могли присвоить себе новый, более высокий сан до начала мятежа Вотаниата. Это была императорская прерогатива. Создается впечатление, что в 1078 гг. Васил мог пользоваться печатью, фиксирующей его сан, полученный до 1071/72 гг., и матрицы ее были сделаны в Эдессе. В настоящее время известно уже 5 экземпляров уданлий печати и количество их будет явно увеличиваться.

Захват Эдессы Маттэос Урхайеци датирует 526 г. арм.эры (2 марта 1077–1 марта 1078), т. е. явно временем мятежа Вотаниата., ближе к весне 1078 г. Если

учесть, что сан куропалата, полученный Врахамием уже как дукой Антиохии, не столь уж высок по сравнению с тем, что он получил позже, можно допустить, что и протопроедром Васил стал в то же время, будучи дукой Эдессы. Но тогда путь от протопроедра до протоновелиссимоса (печать) он прошел до 1083 г., что мало, но вероятно.

Таким образом, на наш взгляд, саны проедра и протопроедра Васил мог получить в бытность свою дукой Эдессы между 1065–1067 гг. Не исключен, но маловероятен и 1078 г., но окончательно данный вопрос могут решить лишь публикации неизвестных в настоящее время печатей Васи́ла, фиксирующих его деятельность между 1076–1071 гг.

Н. И. ХРАПУНОВ

Крымское отделение Института востоковедения
НАН Украины
(Симферополь, АР Крым, Украина)

ДРУГАЯ ИМПЕРИЯ И ПОЛИС: ХЕРСОНЕС В ОПИСАНИЯХ ЕВРОПЕЙСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX В.

Присоединение Крыма к России привлекло на полуостров многих европейцев, оказавшихся тут как по собственной прихоти, так и по долгу службы. Многие из них впоследствии издали воспоминания о поездке на полуостров. Конечно, запискам путешественников свойственен субъективный взгляд на вещи; нередко они больше говорят об авторе, чем о наблюдаемых им явлениях и людях. Отличает их и великое многообразие стилей и жанров. Тем не менее, эти сочинения могут служить источником для изучения Херсонеса, истории его изучения и формирования образа Крыма в сознании читающей публики.

О существовании развалин Херсонеса, конечно, в Европе знали и раньше — так, в XVII в. о них писали Г. де Боплан, Э. Портелли д'Асколи и М. Броневский. Позднее город фигурирует в сочинении кабинетных учёных — И.-Э. Тунманна и В. Формалеони, но их мы тоже рассматривать не будем. Отметим и то, что не у всех путешественников получилось побывать в Херсонесе (например, Дж. Паркинсон, М. Хоулдернесс, С. Греллет). Другие, видевшие древний город, уделили ему лишь несколько строк (И.-Х. фон Струве, Р. Хебер или Г. де Кастельно). Но и без этого в нашем распоряжении есть десяток весьма интересных свидетельств того, какими оказались для древнего Херсонеса первые десятилетия в составе новой, Российской империи.

Считается, что для русских значение Херсонеса заключалось, прежде всего, в том, что это было место, откуда началось распространение христианства на Русь. Иностранцам же свойственно было иное восприятие: их интересовала,

прежде всего, античность. Немудрено, ведь знаменитые ныне памятники Греции и Турции в то время находились на территории Османской империи, куда более закрытой для европейцев. Потому важнейшим сюжетом ряда сочинений стала судьба развалин Херсонеса после присоединения Крыма к России. Путешественники рисуют печальную картину былого величия, сменившуюся запустением и разграблением руин.

Сразу же после присоединения Крыма к России Херсонес стал быстро разрушаться из-за интенсивных «раскопок» в поисках ценностей и материалов для строительства Севастополя. Так, по словам Жильбера Ромма, в 1786 г. на городище копали по указанию контр-адмирала Ф. Ф. Мекензи в поисках монет и строительного материала. Параллельно открывали склепы на восточном некрополе. Ромм также описал загородный крестообразный храм с колодцем.

Франсиско де Миранда (1787 г.) оценил городские укрепления, «большое строение наподобие замка» и склепы загородного некрополя, которые он принял за пещеры. Миранда мог ещё видеть план города с улицами, вскоре сделавшийся неразличимым визуально в результате деятельности заготовителей камней. Путешественник безуспешно пытался отыскать питавший город водопровод.

Пётр-Симон Паллас (1793–1794 гг.), наблюдавший за разбором херсонесских построек на строительный материал, обнаружил среди них несколько надписей, монеты, фрагменты стеклянной и поливной посуды. Он описал загадочный холм или курган на городище, загородный крестообразный храм с подземной водосборной галереей, а также «пещеры» (надо полагать, склепы) в окрестностях города, где стали жить моряки. Опубликованное через десяток лет сочинение Палласа, а равно и обаяние его личности, оказали огромное влияние других путешественников; так, например, Э.-Д. Кларк и Ж. Рейи описывают древности Херсонеса и его окрестностей согласно Палласу.

Нередко цитируемая книга Марии Гатри (1795–1796 гг.) — это, вероятно, литературная мистификация, эпистолярный роман, написанная не по материалам поездки, но в петербургском кабинете её мужа, Мэтью Гатри, по материалам опубликованных источников и описаний Крыма.

Эдвард-Даньел Кларк (1800 г.) оставил не только известные мемуары, но и письма, отправленные им из Крыма, не подвергавшиеся последующей обработке и потому — более объективные. В Херсонесе путешественник обнаружил ныне утраченный камень с надписью «царя царей Тиберия...» — вероятно, это один из боспорских монархов. Он видел надпись Феагена (IOSPE, I², 453), а также рельеф, якобы украшавший его гробницу, и остатки древнего «причала» в Карантинной бухте, вход в которую счёл искусственным образованием. Кларк наблюдал за тем, как солдаты вскрывали склепы с погребениями *in situ*. Им подробно описаны памятники Гераклеяского и особенно — Маячного полуострова, составлена карта. Два пункта, виденные Кларком, идентифицировать довольно сложно — это огромный курган к югу от города и «Евпатерий» на западном берегу бухты. Кларк попытался вывезти некоторые древности для последующей продажи в Англии,

но не получил на это разрешения. Он использует описание памятников для обоснования «варварства» русских — так археология становилась орудием политики.

Жан де Рёйи (1803 г.) одним из первых заявил о необходимости проведения в Херсонесе научных археологических раскопок. Своим читателям он рекомендовал посетить Херсонес. Собранные монеты он передал во французскую императорскую библиотеку. Описавший их г-н Миллен сумел даже точно определить дату одной из монет с изображением Парфенос.

В 1821 г. Эбенезер Хендерсон наблюдал хорошо сохранившиеся крепостные стены города, тогда как основная его площадь была изрыта в поисках строительного камня. Он видел холм, вероятно, скрывавший развалины языческого или христианского храма, древние ступени, поднимавшиеся от моря (в Карантинной бухте?) к городу, и многочисленные развалины в его окрестностях.

Роберт Лайалл (1822 г.) удивлялся тому, что, если мусульмане не осмеливались трогать руины, то христиане не испытывают ни малейшего пиетета к месту, где некогда крестился князь Владимир, и безжалостно разрушали Херсонес.

Джеймс Уэбстер в 1827 г. стал свидетелем каких-то раскопок — правда, не назвав их автора. Он описывает жалкие остатки былого величия города, восстановить которое раскопки вряд ли помогут. Один из его рисунков называется «Развалины Херсонеса», хотя мы видим там всего лишь мечеть где-то на Южном берегу.

По словам Джеймса Александра, в 1829 г. на некрополе располагался пикет солдат-греков. Жили они в склепах, не понимая, что это за сооружения. Через полгода жителями склепов оказались пленные турки. Постройки Херсонеса и хоры служили каменоломней для строителей Севастополя. На городище располагался карантин и какие-то новые постройки. Автор осмотрел две церкви, одна из которых была разграблена, и «квадратную крепость» на возвышении у моря.

Таким образом, в конце XVIII — начале XIX в. путешественники-европейцы формируют у читающей публики интерес к развалинам Херсонеса и его окрестностей, «самой замечательной части Крыма». Они описывают городские укрепления, портовые сооружения, христианские церкви, загадочный холм на городище, монеты и эпиграфические памятники, склепы в окрестностях города и загородный храм, остатки построек на хоре. Все как один говорят о катастрофических последствиях строительства Севастополя для Херсонеса. Паллас и Рёйи призывали начать исследовательские раскопки древнего города. Археологические древности стали неотъемлемой частью образа Крыма.

В. Н. ЧХАИДЗЕ
Институт археологии РАН
(Москва, Россия)

ЦЕРКОВНЫЕ ИЕРАРХИ ЗИХИИ В МАТРАХЕ В X–XIV ВВ.

Зихская епархия с центром в Никопсисе известна со второй трети VI в., ее основная задача — христианская миссия, рассчитанная на проповедь среди населения Северо-Западного Кавказа — зихов. В середине IX в. кафедра Зихии была перенесена в Таматарху (Матраху). В третьей четверти XIII в. архиепископия была возведена в ранг митрополии. При этом архиереи продолжали сохранять титул «Зихийский». С конца XIV в. о митрополии ничего не известно, а уже в 1439 г. в Матрахе присутствует католический архиепископ. В отечественной историографии Зихской епархии посвящены специальные работы А. В. Гадло (1991), Г. -В. Байера (1995) и А. Ю. Виноградова (2009).

Первым известным предстоятелем кафедры в Никопсисе является Дометиан, епископ зихов, подписи которого стоят под актами Константинопольского V Вселенского собора 552 г. (АСО, III, р. 28, 115, 126, 155, 162, 171, 184; Le Quien, I, coll.1325). Еще один архиерей — Павел Зихийский, участник Константинопольского собора 879 г. (Mansi, XVII, col.378; Le Quien, I, coll.1325; Гадло, 1991, с. 104) однако не ясно, являлся ли он архиепископом в Никопсисе или Матрахе (Виноградов, 2009).

В X в. центром Зихской епархии Константинопольского патриархата является Матраха (Dargouzes, 1981, р.293–294). Предстоятели Матрахи известны по сообщениям «Документов синодов Константинопольских патриархов» (для XI–XII вв.) и «Просопографического лексикона Палеологов» (в XIII–XIV вв.).

Анонимный архиепископ Зихии упомянут под 1023 г. (RegPatr, № 826a). Между 1039 и 1054 гг. известен архиепископ Зихии Антоний (RegPatr. №№ 846, 869; Le Quien, I, coll.1325–1326). Антонию также принадлежат три моливдовула, обнаруженные на Таманском городище (Малахов, Пьянков, 2000, № 1; Чхаидзе, Устаева, 2009, № 6). Второй половиной XI в. датируется анонимная печать проэдра Зихии (Laurent, 1972, № 1825; Nesbitt, Oikonomides, 1991, № 87.1). Согласно Ле Квину анонимный архиерей возглавлял епархию между 1081 и 1084 гг. (Le Quien, I, coll.1326; Fedalto, 1988, р.391). Упомянутый в Киево-Печерском Патерике монах Никола (Николай) был поставлен на кафедру Матрахи в конце XI в. (Мошин, 1932, с. 55–61; Кабанец 2005, с. 126). Под 1169 г. известен еще один анонимный архиерей Матрахи (RegPatr. № 1085). В письме Иоанна Апокавка (ок. кон. XII в.) упоминается церковный архиерей Зихии Феодосий (Veas, 1974, р.62).

Впервые под 1285 г. первосвященник Зихии (Василий) назван митрополитом (PLP, № 2403; Laurent, 1927, р.148).

В XIV в. неоднократно упоминаются архиереи без указания имени: 1317–1318 гг. Зихо-Матрахский; 1364 г. Матрахо-Зихийский; 1366, 1382, 1393, 1394 гг. Зихийские (ММ, №№XLI, CCXX, CCXXI, е. т.с.). Под 1344–1346/47 гг. отмечен Каллик (PLP, № 10410; DarPatr V, №№ 2250, 2259; Mercati, 1931, p.202; Pitsakes, 1972, p.95; Байер, 1995, с. 73), а в Типиконе Михаила Палеолога под 1394 г. — архиерей Зихии Никодим (Die Haupturkunden..., 1894, p.196). Наконец под 1396 г. отмечается последний известный нам архиерей — Иосиф, митрополит Зихии и Матрахи (PLP, № 9045; Гадло, 1991, с. 105–106; Байер, 1995, с. 73–74).

Вместе с тем, известно несколько иерархов, которые соотносятся с кафедрой Зихии предположительно или ошибочно.

XI в. датирован моливдовул, происходящий из Антиохии и прочитанный как принадлежащий Антонию, митрополиту Матрахи (Cheynet, 1994, № 66). Этот моливдовул датирован 1054 г. (!) и соотнесен с упомянутым выше Антонием архиепископом Зихии (Виноградов, 2009). Между тем сохранность самого моливдовула неудовлетворительна и как отметил Ж.-К. Шене, Антоний мог являться митрополитом Патры в Греции, однако в списках имя такого митрополита не значится (Cheynet, 1994, p. 432).

С Григорием архиепископом Матрахи связывается моливдовул XII в., найденный под Киевом (Янин, Гайдуков, 1998, № 66 б). Однако отсутствие в легенде сана архиепископа, а также плохая сохранность нижней строки печати, на наш взгляд препятствуют такой ее атрибуции.

XII в. датируется моливдовул и Константина, митрополита Матрахи (Nesbitt, Oikonomides, 1991, № 83.1). Причем и этом моливдовул сохранился не полностью и восстановление топонима лишь предположительно. Напомним при этом, что митрополией Матраха стала только в третьей четверти XIII в.

Дж. Федальто, ссылаясь на Actes de Chilandar (1975, p. 334, 340), ошибочно отмечает еще двух иерархов: Павла (1378 г.) и Матфея (1388 г.) (Fedalto, 1988, p.391). На самом же деле перед нами митрополиты Зихны в Македонии (*впервые отмечено Д. В. Каштановым*).

Следует отметить, что с деятельностью епархии в Матрахе связаны моливдовулы относящиеся и к X столетию: Григория, монаха, кувуклисия и экзарха (Степанова, 2007, № 8); XI в.: Антония монаха; Василия, диакона и хартулария (Чхайдзе, Каштанов, 2009, №№ 1–2). Из фондов Краснодарского музея происходит каменная печать XI в., являющаяся литургическим штампом для оттиска изображений на просфорах (Малахов, Тихонов, 2004, с. 169–170). Также следует отметить, что в 2005 г., на вершине г. Зеленской, в 6 км к югу от Тамани были обнаружены строительные остатки, датируемые первой половиной XI в. и идентифицируемые как греческий православный монастырь (Федоренко, Шишлов, 2007, с. 16–17). Наконец, давно известна происходящая из Тмутаракани греческая надпись на мраморной плите 1078 г. Иоанкия монаха, строителя (ойкодома) монастыря (Скржинская 1961, с. 74–79). Термин *ойкодом*, встречающийся в ряде аналогичных византийских надписей, по преимуществу обозначает основателя монастыря (Кабанец 2005, с. 118).

Сопоставляя данные письменных источников и сфрагистики, исправленный и дополненный список известных нам в настоящее время церковных иерархов Зихии в Матрахе выглядит следующим образом:

Имя	Титул	Год упоминания	Источник
...	архиепископ Зихии	1023 г.	RegPatr, № 826а
Антоний	архиепископ Зихии	до 1039 г. (или после 1054 г.)	RegPatr, №№ 846, 869; Малахов, Пьянков, 2000, рис. 1; Чхаидзе, Устаева, 2009, №6
...	Проздр (архиепископ) Зихии	II пол. XI в.	Laurent, 1972, № 1825
Николай	архиепископ Матрахи	кон. XI в.	Киево-Печерский Патерик, с.22, 38
...	архиерей Матрахи	1169 г.	RegPatr, №1085
Феодосий	архиерей Зихии	кон. XII в.	Joannes Apocaucus Epist.
Василий	митрополит Зихии	1285 г.	PLP, №2403
Каллиник	митрополит Зихии	1344-1347 гг.	PLP, №10410
Никодим	архиерей Зихии	1394 г.	Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster
Иосиф	митрополит Зихии и Матрахи	1396 г.	PLP, №9045

А. В. ШАМАНАЕВ

Уральский Федеральный университет
им. первого президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

ВКЛАД В. Н. ЮРГЕВИЧА В ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ ХЕРСОНЕССКОГО ГОРОДИЩА

В XIX — начале XX в. античные и средневековые древности Крыма входили в круг интересов Одесского общества истории и древностей (ООИД), первого археологического общества в России (1839). Среди памятников Крыма, оказавшихся в сфере внимания членов Одесского общества истории и древностей, особое место занимало Херсонесское городище. С момента своего основания, ООИД проявляло

интерес к его изучению и охране, а в 1876–1886 гг. общество осуществляло раскопки на памятнике. Одним из исследователей Херсонеса был В. Н. Юргевич — действительный член ООИД с 1859 г, помощник секретаря (1865–1866), секретарь (1875–1883), вице-президента (1883–1898) и хранителя музея (до 1895 г.).

В. Н. Юргевич получил образование на историко-филологическом отделении Главного педагогического института в Санкт-Петербурге. По окончании курса он имел двухгодичную стажировку в Лейпцигском университете, где его научным куратором был И. Г. Герман. Занятия под руководством этого ученого позволили В. Н. Юргевичу в совершенстве овладеть древними языками. В 1858 г. В. Н. Юргевич стал профессором римской словесности Ришельевского лицея в Одессе (с 1865 г. — Новороссийского университета).

В своих исследованиях В. Н. Юргевич обращался к различным периодам истории Крыма (античность, средневековье, XVIII–XIX в.). В сфере его научных интересов были вопросы эпиграфики, нумизматики, сфрагистики, истории археологии. Кроме того, он принял участие в решении проблем сохранения памятников старины и разработке методики археологических раскопок.

Антиковедческие разработки В. Н. Юргевича, преимущественно, были связаны с изучением эпиграфических памятников Ольвии, Херсонеса, городов Боспорского царства. Особое значение приобрели его исследования клейм на ручках амфор из античных центров Северного Причерноморья. Разработки ученого способствовали введению в научный оборот этого нового, для Северного Причерноморья, вида источников, изучение которых было начато П. В. Беккером.

С 1883 г. В. Н. Юргевич руководил раскопками Херсонесского городища. Сразу же ему пришлось столкнуться с серьезной проблемой, поскольку были вскрыты факты, свидетельствовавшие о том, что солдаты, работавшие на раскопках, похищали и продавали ценные артефакты любителям старины.

По инициативе В. Н. Юргевича, ООИД приняло принципиальное решение отказать от помощи военных и передать раскопки в непосредственное ведение монастыря св. Владимира в Херсонесе, с сохранением роли Одесского общества в качестве распорядителя средств и научного куратора исследований (15 марта 1884 г.).

Для о. Иоанна, которому было поручено наблюдать за раскопками, В. Н. Юргевичем была составлена специальная инструкция. В ней подробно регламентировался порядок организации и проведения раскопок, мер по сохранению находок. Для проведения земляных работ был заключен договор с севастопольским мещанином С. Фроловым. Документ подробно регламентирует методику раскопок, их технические детали и финансовые условия. Принятые меры, судя по всему, оказались эффективными. В отчете ООИД за 1884 г. была помещена информация о находках 370 античных и средневековых монет, что более чем в 10 раз превышало количество находок в предыдущие годы.

В. Н. Юргевич планировал продолжение исследований в Херсонесе. К сожалению, в 1885 г. возникли серьезные препятствия для археологического изучения памятника. Из-за этого удалось произвести только небольшие раскопки осенью

1885 г. (позже руководство раскопками было передано Императорской Археологической комиссии).

В 1880-х гг. В. Н. Юргевич обратился к изучению печатей средневекового Херсона. Толчком к разработке этого направления стала находка моливдовула во время раскопок на городище в 1884 г. Заслуга исследователя состоит уже в том, что он выделил памятник из числа находок и определил его тип. Первая публикация находки оказалась не удачной. Прочтение легенды вызвало критику со стороны известного Петербургского нумизмата И. И. Толстого. В. Н. Юргевич учел замечания и осуществил републикацию печати. Правильное чтение легенды: «Георгию Цулла, императорскому протоспафарию и страдигу Херсона». Судя по всему, ошибка была обусловлена тем, что В. Н. Юргевич плохо представлял систему должностей и званий Византии. Нужно учитывать, что византийская сфрагистика во второй половине XIX в. находилась на этапе становления. Так, основополагающая работа Г. Шлюмберже была издана в 1884 г. и одесской ученый не мог ее учитывать при первом издании печати (позже он неоднократно обращался к ней). Интересно, что В. Н. Юргевич датировал памятник XI в., с чем согласны современные специалисты. Всего он издал 15 печатей, хранившихся в музее ООИД и частных коллекциях.

В 1884 г. В. Н. Юргевич выступил как организатор научной программы экскурсии участников VI Археологического съезда по Херсонесскому городищу.

**ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ:
«империя» и «полис» III**

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И СООБЩЕНИЙ

(російською мовою)

Редактор –упорядник М. Алексєнко
Комп'ютерна верстка М. Арефьев
Коректор Л. Грінєнко

Здано до набору 26.04.2011. Підписано до друку 04.05.2011.
Формат видання 60x84 1/16. Гарнітура Times.
Обл.-вид. арк. 2,4
Наклад 100 прим.

Надруковано у типографії НПЦ «ЭКОСИ Гидрофизика»
99011, Севастополь, вул. Леніна, 28.